

ОДИНОЧЕСТВА НЕТ

Егор Фомин

Егор Фомин
Одиночества нет

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Фомин Е.

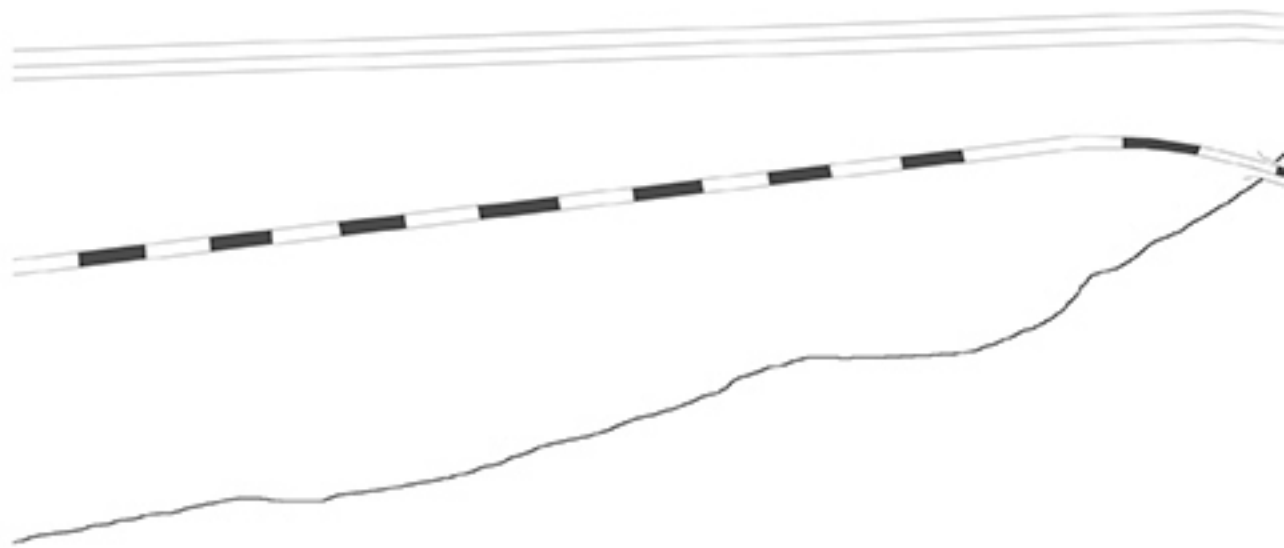
Одиночества нет / Е. Фомин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Спасаясь от тяжелого расставания, девушка приезжает в уютное приморское местечко. Ее ждет чудесный город и встречи настолько необычные, что с трудом верится, что происходит все в реальном мире.

Содержание

Егор Фомин	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Егор Фомин
Одиночества нет

Теплым осенним вечером на вокзал, выстроенный из красного кирпича, прибыл поезд. Среди его пассажиров была девушка в черных джинсах и светлом свитере. Ее звали Лена, и она приехала сюда в поисках спасения. Ей хотелось забиться в какой-нибудь угол, где можно было бы просто жалеть себя. Позавчера она собрала вещи и отправилась в город, где последний раз была много лет назад еще с родителями, и который считала самым глухим и замшелым местом из всех возможных.

Весь багаж составляла небольшая сумка на плече. Она нарочно взяла мало вещей, чтобы почувствовать себя еще более обделенной.

Серая чайка, сидевшая на краю жестяной крыши перрона, с пронзительным криком сорвалась вниз и полетела в сторону Северной гавани. Девушка вздохнула и медленно пошла к вокзалу.

Идти через здание, маленький полутемный зал полный бурной радости, чемоданов, детей и пронзительных криков, ей не хотелось. Поэтому Лена свернула в сторону, перешагнула через низенькую бетонную оградку и оказалась на Вокзальной площади. Слева белел пустыми столиками закуточный ларек, за ним вдоль улицы к автовокзалу протянулась неровная шеренга киосков. За круговой развязкой желтело ажурное здание Сафьяновского пассажа со стоянкой маршруток. Лене, привыкшей к столичной суете, площадь казалась крохотной, убогой и пустой. Даже сияющая над пассажем реклама вездесущей «Балтики» выглядела непривычно блеклой. Не хватало плотного потока машин, ярких торговых павильонов, бойких теток, предлагавших пирожки, квашеную капусту и комнаты на ночь. Городок оправдывал ожидания – он выглядел застойным болотом.

Когда Лена вышла к тротуару, таксисты сначала даже не заметили потенциальную клиентку, а потом неуверительно предложили свои услуги. Она молча отмахнулась, с таксистом пришлось бы разговаривать. Пренебрегла она и возможностью сесть на маршрутку. Весь путь следовало пройти пешком, погрузиться в атмосферу замирающего города. Впрочем, город не спешил разделять ее похоронные намерения: осеннее солнце золотило кроны деревьев, а на сухом чисто выметенном асфальте не было и намека на мусор. Это было замечательный сентябрьский вечер, в который так приятно выйти из дома, прогуляться по набережной, посидеть за рюмкой «Старого замка» и перекинуться парой слов с уважаемыми соседями.

Следуя трамвайными путями, Лена вышла к бастиону Панцербург, поднялась по узкой лестнице, прорубленной в гранитных стенах бастиона, и оказалась перед Галереей, штукатуренным зданием простых геометрических форм. Обходя аккуратные кучки листьев, она прошла сквозь кольцо корпусов и, наконец, смогла посмотреть на город – свою будущую темницу.

Чуть правее у подножия бастиона, заслоняя рыночную площадь, сверкала золочеными куполами громада Никольского собора, слева краснели кровли домов Нового города, а впереди, за приземистой Круглой башней взбирался на покатую гору Старый город. Сплошное море красных черепичных крыш и шпилей – два темных пика католического собора Архангела Михаила, шпиль Старой ратуши на вершине горы, левее сверкали Три креста, и еще купола и шпили церквей, которых Лена не знала... и над каждым домом, над каждой крышей был флюгер. Справа и слева эту картину обрамляли пространства Северной гавани и Соснового залива, только у горизонта темнели лесистые берега.

Маленький провинциальный городишко. Старые, прогнившие дома, в которых холодно летом, ужасно холодно зимой и тоскливо во время дождя. Вечные проблемы с горячей водой, отсутствие нормальных супермаркетов и ресторанов быстрого питания. Бесперспективная работа в какой-то унылой конторе.

Переулками Лена вышла на Рыночную площадь, отметив тесноту местных улочек. Да что это за город, в котором с тротуара на тротуар можно перешагнуть, на центральной «маги-

страли» с трудом разъедутся две «Волги», а двухполосные «проспекты» тянутся едва на пять кварталов?!

В вечерний час площадь была пустынна. Во всей красе были видны толстобокая Круглая Башня, и готическая Меховая со стилизованным под нее зданием городского рынка напротив. Площадь, как и улицы старого города, были вымощены не аккуратненькой плиткой «под Европу», а крупными неровными булыжниками, обрекавшими на ношение обуви без каблучков.

Сзади с грохотом выкатился трамвай, повернул и остановился напротив банка. Лене показалось, что все немногочисленные пассажиры смотрят на ее одинокую фигуру на площади и думают неизвестно что. Лена поежилась и прибавила шагу, спеша куда-нибудь скрыться. Вагоновожатый захлопнул двери и, коротко звякнув, покотил к набережной.

Попав на Пасторскую площадь, девушка миновала мрачную громаду готического костела. С другой возвышалось не менее мрачное барочное здание гимназии. Здесь она отучилась восьмой класс, пока родители работали за границей. За год даже появились школьные подруги. Однако сейчас здание с облупившееся лепниной никаких сентиментальных мыслей не вызывало.

Наконец, через Крепостную улицу Лена вышла на Посольскую, и остановилась перед большим домом с эркерами и затейливыми балконами, выкрашенным красной охрой. Вот он, ее новый дом. Здесь ждала большая квартира старого вдовца, такая же пустая, как нынешняя ее жизнь. Лена немного постояла, а потом поднялась по парадному крыльцу и потянула за медное кольцо. Высокая створка тяжело повернулась, и она вошла в темный и гулкий подъезд. Уже и забылось, насколько большим был этот подъезд, все еще сохранивший роскошную парадную лестницу, и насколько запущенным в то же время. Исписанные и облезлые стены до половины покрыты обычной зеленой краской, выше выбелены пожелтевшей известкой. Под лестницей детские коляски, велосипеды и чьи-то лыжи. Внимательно смотря под ноги, Лена поднялась на второй этаж.

Перед порогами квартир лежали коврики, и стояла обувь. Деревянная дядина дверь даже не была обита, только покрашена красной краской. Лена еще раз вздохнула и нажала на звонок. Тот не издал ни звука. Девушка еще несколько раз нажала на кнопку, сложно было поверить, что такое простейшее устройство было способно не работать.

Наконец, пришлось постучать. Опасаясь расшибить костяшки пальцев о плотное дерево, она несильно стукнула несколько раз в самый центр двери. Звук вышел каким-то беспомощным. Не стоило ожидать, что кто-либо в глубине квартиры его услышит. Она попробовала постучать еще, на этот раз кулаком, и, наконец, несколько раз пнула дверь ногой. Открывать никто не спешил.

Лена ждала у двери, думая о том, что дяди нет дома, и ее никто не впустит. Что тогда делать? На улице стемнело, она здесь никого не знает. Перспектива остаться ночью одной в чужом городе представилась так ясно, что она вновь почувствовала на глазах предательскую влагу.

Дядя все-таки открыл. Он стоял на пороге, в теплом халате и домашних туфлях и покачивался с пятки на носок.

– О, это ты, – безучастно сообщил он. – Здравствуй, племянница.

– Добрый вечер, дядя Андрей, – поздоровалась Лена и поинтересовалась. – Вы забыли, что я приеду?

– Отчего же? – пожал он плечами, – Ты должна была приехать сегодня восьмичасовым поездом.

– Да, – кивнула Лена, все еще удивляясь, почему ее не ждали.

– Ты так часто обещала приехать...

Девушка даже фыркнула про себя. Он так настойчиво приглашал, в каждом телефонном разговоре вытягивая вежливое согласие, а теперь даже не собирается впускать ее в дом!

– Ты пешком шла?

– Да. Не хотела брать такси.

– И правильно, – кивнул дядя. – Как погода?

– Не знаю, – пожала плечами Лена, она не обратила внимания на погоду. – Дождя вроде не было.

– Несколько последних дней у нас хорошая погода стоит, – опять покивал дядя. – Как дела?

Лена уже не понимала, как себя вести дальше, кажется, этот разговор мог продолжаться довольно долго и закончиться ничем.

– Нормально. А мне можно войти?

– Конечно, – дядя улыбнулся, как будто ждал именно этого вопроса.

Он отступил назад. Лена вошла следом. Дверь закрылась, и она оказалась в темноте, только из кухни струился сумеречный свет с улицы, и из гостиной мерцал телевизор.

– Ты пока ходи босиком, – попросил дядя, – завтра подберем тебе что-нибудь.

– А сегодня?

– У меня не работает свет в прихожей, – виновато ответил он. – Пошли, я покажу тебе комнату.

«Ну вот, – подумала Лена, разуваясь, – ведь собиралась взять с собой тапочки, и что помешало?»

Пол оказался на удивление чистым и не холодным. Деревянные доски приятно освежали истомившиеся в обуви ступни.

– Пойдем, – позвал дядя и пошел по коридору короткими расслабленными шагами. – Я поселю тебя в нашей старой спальне. Все равно она всегда закрыта.

Дядя был невысоким и рыхлым, можно было ожидать, что он непременно будет шаркать, но домашние туфли ступали едва слышно. Уже не удивляясь, что дядя не предложил помочь с багажом, Лена подхватила сумку и отправилась следом.

Квартира оказалась большой и темной, как и полагается жилищу пожилого холостяка. Лена шла, отмечая, как все знакомо и ново одновременно. В последний раз она была здесь подростком, и теперь все выглядело так, будто это совершенно иная квартира.

– Вот, – открыл он дверь в комнату. – Тут немного пыльно, я убрал покрывало и постелил. Сегодня переночуешь, а завтра Нина здесь уберет. Располагайся.

Дядя не стал заходить сам, пропустил Лену и тут же прикрыл дверь. Она осталась в большой полупустой комнате с недотягаемыми потолками и огромными окнами, за которыми темнели деревья. В свете фонарей была видна просторная кровать, застеленная белоснежным бельем. Ей это показалось еще более странным: он как будто не ждал ее увидеть, но уже приготовил комнату. О, а как же ужин? Ведь в дороге она так толком и не поела!

Лена оставила сумку у кровати, вышла и заглянула в гостиную. Дядя сидел на маленьком двухместном диванчике и смотрел в телевизор, время от времени перещелкивая каналы.

– Дядя Андрей! – нерешительно позвала она.

– Да, Леночка? – проговорил он, не поворачивая головы.

– Вы уже ужинали?

– Нет. Я редко ем вечером.

– А-а-а... – протянула она. – Может быть, мы поужинаем?

– Можно, – кивнул он, не отрываясь от экрана.

– Я посмотрю на кухне. У вас ведь есть что-нибудь из еды?

– Не знаю, наверное. Нина должна была что-то купить. Посмотри сама.

– А... Нина это кто?

– Домработница. Я ее уже давно взял. Она очень помогает мне с хозяйством.

– Хорошо, – улыбнулась Лена. – Я посмотрю.

Лена прошла к кухне, с трудом отыскала в коридоре спрятанный за вешалкой старомодный выключатель и включила свет. Кухня произвела удручающее впечатление. С одной стороны, здесь была довольно новая и дорогая техника: и микроволновка, и посудомоечный агрегат, и кофе-машина, и еще множество малопонятных устройств. Но было очевидно, что этим никто не пользуется. Только передняя панель микроволновки была захватана пальцами, а еще холодильник и чайник. Судя по всему, эти агрегаты не скучали.

Подходя к холодильнику, Лена была готова увидеть жалкие остатки давно испортившихся продуктов. Так, в общем-то, и оказалось. Одинокая бутылка минеральной воды на верхней полке, кусок засохшего сыра на трогательном блюдецке с розовыми фиалками и два подгнивших помидора в отделении для овощей.

Кажется, совсем недавно, пару лет назад, она наблюдала похожую картину. Только в холодильнике холостяка, а не вдовца. Тогда они над этим смеялись и шутили, а сейчас ей хотелось прекратить сдерживаться и дать волю слезам. Она не заплакала, только попыталась проглотить застрявший ком в горле. Собравшись с мыслями, Лена вспомнила, что в прошлый раз пригодные к употреблению продукты удалось обнаружить в морозильной камере. Так и есть! Здесь было полно еды: яркие упаковки с готовыми блюдами, пельмени, рыбные палочки. Даже не заглядывая в шкаф, Лена могла поспорить, что там хватает каких-нибудь кубиков «Магги», или даже «Роллтона». О, а вот это явно указывает, что он не сам пополняет закрома. Решить, что фаршированные помидоры так же просты в приготовлении, как пельмени или овощная смесь, может скорее женщина.

Поразмыслив, Лена решила остановиться на чем-то совсем простом и вытащила быстрозамороженную смесь с курицей. Подумав еще немного и оценив свое настроение, решила не жарить ее, а обойтись микроволновкой, пусть не так вкусно, зато вовсе не хлопотно.

Пискнула и остановилась микроволновая печка, объявляя, что работа выполнена. Лена поднялась, достала стеклянную посудину с едой, и поставила на стол. Воспитание требовало, чтобы на столе было еще что-то. Какая-то закуска, салаты. Что-нибудь. Однако ей не удалось найти даже хлеба. И пускай, в конце концов! Разве она должна была готовиться к своему приезду?

Позвав дядю, Лена села за стол. Войдя, тот поглядел на блюдо со смесью, две тарелки, обвел взглядом кухню.

– Пусто как-то, да? – сказал он и застенчиво улыбнулся.

Лена пожала плечами. Дядя присел и принялся накладывать еду на тарелку.

– Ты надолго приехала? – спросил он.

– Как же? Я же говорила, что хочу с вами работать! – удивилась Лена. – Вы не помните?

– Помню, – кивнул дядя.

– Вы что, не хотите?

– Хочу. Просто я думал, что ты не серьезно. Ты сначала отдохнешь или сразу?

– Не знаю, – снова пожала плечами Лена. – Наверное, лучше сразу.

Дядя перестал есть и посмотрел на нее неожиданно понимающим взглядом:

– Пожалуй, лучше сразу, – повторил он.

– Вы во сколько встаете?

– Я тебя разбужу.

– Хорошо.

Больше говорить было не о чем, и они некоторое время ели молча. Однако это молчание казалось обоим неловким. Казалось, что таким близким родственникам должно было быть, что обсудить.

– Как дела у сестры? – попытался нарушить молчание дядя, впрочем, произнес он это без особой старательности, как будто понимал, что и его собеседнице говорить не особенно хочется.

– У мамы?

Дядя кивнул.

– Все хорошо.

– Она работает?

– Да.

– Все там же? – уточнил дядя, хотя и не помнил, где его сестра работала раньше.

– Кажется, да, – подтвердила Лена, хотя и она не помнила, меняла ли ее мать работу в последнее время.

Так они и беседовали, обсудив следом отца Лены, попробовали поговорить о работе девушки, но ничего не вышло, поскольку Лене тут же вспомнилась та самая история, которая закончилась бегством в этот старый город. Под конец попытались поговорить о погоде. Понимая, что больше тем не найдется, оба спешили доесть, чтобы не продолжать беседу. Дядя управился первым, поставил тарелку в посудомоечную машину и нажал несколько кнопок.

– Когда доешь, нажми сюда, хорошо? – спросил он.

– Ладно, – согласилась Лена. – Может быть, попьем чаю?

– Ты попей, а я пойду, посижу, – покачал головой дядя. – Чай тут есть, найдешь.

Не дожидаясь ответа, вышел. Лена спокойно доела и поставила чайник. В шкафу нашлась пачка «Ахмада» и чистый заварочный чайник. Теперь девушка действовала легко и свободно, как будто делала это у себя дома. Поставить воду, сполоснуть кипятком заварочный чайник, залить до половины и засыпать чай. Даже сам чай она предпочитала «Оранж Пеко», как и дядя, а вот *он* почему-то все время покупал с бергамотом, который Лена терпеть не могла. Теперь залить чайник доверху, и подождать, чтобы дозаварился.

Когда девушка взяла в обе руки чашку с душистым крепким напитком, напряжение окончательно исчезло. Полутемная кухня, круг желтого света от бра на стене, поблескивающий кран. Сюда стоило приехать хотя бы ради того, чтобы попить чай в одиночестве на большой пустой кухне, чтобы никто не пытался залезть с ногами в душу и утешить.

Напившись чаю и погрузив кружку в недра посудомоечной машины, Лена включила это чудо техники и покинула кухню. Теперь, видимо, полагалось подойти к дяде и продолжить вечер. Однако девушке не хотелось ни разговаривать, сидя перед телевизором, ни спать. Хотелось, чтобы ее все оставили, чтобы она никому ничего не была должна. Тем не менее, она подошла к двери гостиной и остановилась.

Телевизор не работал, зато был разожжен старый закопченный камин. Перед камином расположились два глубоких кожаных кресла и маленький низкий столик. На столике стояла бутылка «Белой Чайки» и чистая рюмка. Вторую рюмку с тягучим бесцветным ликером дядя держал в руке. Что-то сжалось внутри у Лены, когда она поняла, что пустая рюмка предназначена не для нее.

Она не знала, что этот вечерний ритуал был привычен для пожилого вдовца. Каждый вечер он разжигал камин и усаживался в кресло. Точно так же они сидели здесь вдвоем с женой, держались за руки, смотрели на огонь и разговаривали. Тогда у них не было денег, поэтому любимый ликер жены удавалось купить только время от времени, и она, совершенно счастливая, неспешно потягивала бесцветную жидкость. Для дяди этот ликер был слишком сладок, но теперь он пил его и вспоминал жену. Он и покупал всегда только одну бутылку, точно как раньше, когда она была жива.

Всего этого Лена, конечно, не знала, за исключением только, что покойная тетя любила «Белую Чайку», и не упускала случая угостить ликером своих близких. Она не знала и не понимала смысла дядиных действий, но чувствовала гнетущее одиночество, сквозящее в каждом движении пожилого человека, словно бы кроме него никого больше не существовало. Только неверный свет пламени в камине, вялая рука с рюмкой, поскрипывание кресла, мерное тика-

ные огромных напольных часов, и больше ничего, старость и одиночество, мерный покой. Лене стало жутко до крика, и она прикрыла ладонью рот.

Войдя в свою новую спальню, она, не зажигая света, села на кровать. Надо было разобрать сумку, принять душ с дороги, но не было сил. Лена подтянула ноги к себе, и села, обхватив руками колени. Девушка понимала, что все повторяет и повторяет про себя один и тот же вопрос, на который нет, и не может быть ответа, но ничего не могла с собой поделать.

Словно сам собой в руках оказался мобильный телефон. Загорелся экранчик верного «Самсунга». Пройтись по социальным сетям? Но слишком много общих знакомых. Слишком велика вероятность, то что-то снова напомнит ей о нем. Может быть, все-таки позвонить? Но что она ему скажет? О чем они вообще могут сейчас говорить? Но вдруг этой ночью после долгого пути она оказалась в огромной полупустой комнате, чтобы, наконец, услышать слова, которые заслуживает? Экранчик, не дождавшись решения, погас. Но Лена по-прежнему сжимала трубку в руке, словно в этом было ее спасение. Может быть, все-таки позвонить? Или написать сообщение? Вдруг аппарат зажужжал и громко заиграл «Знаешь, все еще будет». Всего месяц назад она установила эту мелодию для звонков от близких людей. Даже не взглянув на экран, Лена поднесла трубку к уху:

– Да!

– Аллю! – мужской голос, но совсем не тот. – Дочка?!

– Да, папа, – почти прошептала она, тщетно надеясь, что перемена в голосе ускользнет от родителя. – Привет.

– Как ты, дочка? Как добралась? Почему ты не звонишь?

– Все нормально, папа. Нормально добралась.

– Точно нормально? У тебя что-то с голосом. Тебе не здоровится?

– Папа, у меня все хорошо. Не надо.

– Чего не надо?! Мы же волнуемся.

На эту фразу она не стала отвечать.

– Послушай. Может, все-таки, передумаешь? Поживешь у нас? Ты не думай, мы не будем к тебе приставать. Мы разве не понимаем? Дочка, в такие минуты и нужны родители. Возвращайся, мама очень скучает!

А на это отвечать уже не было сил.

– Что ты молчишь, дочка?

– Папа...

– Хорошо, я все понимаю. Мы понимаем, как ты себя чувствуешь. Ничего, не хочешь отвечать, не говори. Знаешь, ты, наверное, и правда, поживи немного... Таня, погоди... погуляй, отдохни, подыши морским воздухом. А потом приезжай. Привезешь мне «Северной Гавани». А маме конфет «Сибирова». Таня, что ты, не надо! Ну вот, мама плачет. Хочешь с ней поговорить?

– Нет.

– Да-да, конечно. Дочка, ты только не...

Лена даже сама не поняла, как получилось, что она нажала отбой. Наверное, так хотелось прекратить этот разговор, что пальцы сами выполнили ее желание.

Она положила перед собой телефон, завалилась на бок, подтянула руками колени и, наконец, заплакала. Как было бы хорошо, если сейчас, со слезами вышла вся боль и тоска! Однако соленая влага сочилась из глаз, а горечь оставалась внутри.

– Простите. Возможно, я помешал?

Голос донесся из дальней части комнаты, оттуда, где был камин. Приглядевшись, Лена заметила темный силуэт и услышала шум, как будто осыпаются и хрустят под ногами мелкие камешки.

Незнакомец выпрямился, и в тусклом свете блеснула огромная латунная пряжка ремня и два ряда желтых пуговиц.

– Это, конечно, неловко, но я услышал, что здесь кто-то плачет, и подумал...

Лена поняла, что странное оцепенение, владевшее ею, исчезло. Это был не страх, скорее нерешительность. Трудно было собраться с мыслями и понять, как себя вести.

– Как услышал?

– Через трубу. Через каминные трубы можно раскрыть государственный заговор, чего уж стоит услышать плачущую девушку, когда весь город спит?

Лена невольно всхлипнула.

– А вы кто?

Гость сделал шаг к окну, и она увидела его в сумеречном свете: невысокий, в темном сюртуке, громоздких башмаках и цилиндре. Он был настолько весь из прошлого, что казался ненастоящим.

– Трубочист, – он смущенно пожал плечами.

– А разве сейчас они еще бывают?

– Пока есть трубы, должны быть трубочисты, – улыбнулся гость.

Он подошел к столу, задвинутому в эркер, и остановился. Когда-то, давным-давно эта большая комната с огромными окнами, эркером и камином была спальней и кабинетом дяди и его жены. Тогда дяде приходилось много работать, и он любил сидеть над бумагами и смотреть на уже спящую супругу. Теперь же стол отодвинули в эркер, и ничего не напоминало о тех временах. Гость потрогал пыльную столешницу и спросил:

– Можно я включу свет?

– Ой, нет! – попросила Лена, которой очень не хотелось, чтобы незнакомец увидел ее заплаканной.

– Всего лишь лампу на столе? Вы же должны меня разглядеть, а то так и будете бояться.

– Включайте, – подумав, согласилась девушка. – А вы что, еще долго собираетесь тут оставаться?

Трубочист щелкнул выключателем, и лампа загорелась желтым светом, очерчивая круг на столе и полу. Теперь Лена разглядела гостя яснее. На нем был старомодный двубортный сюртук, из темного бархатистого сукна, перехваченный на талии толстым кожаным ремнем с огромной латунной пряжкой. Его круглое лицо казалось простым, но во взгляде пряталась легкая ирония. Если бы не глаза и улыбка, Лена бы подумала, что он ее моложе. Гость положил цилиндр на стол и уселся в кресло спиной к эркеру.

– А ведь вам бы хотелось, чтобы все куда-нибудь делись? – он облокотился на столешницу и, чуть прищурившись, посмотрел на Лену.

– Да! – девушке не понравился этот взгляд. Показалось, что над ней смеются. Захотелось, чтобы гость исчез, и одиночество стало полным и настоящим.

– Мне кажется, вы не желаете, чтобы я уходил.

– Да? А что еще вам кажется?

– Вам хочется, чтобы кто-то был рядом.

– С чего вы взяли?

Гость покачал головой. Вздохнул:

– Сударыня, вынужден заметить, скорее всего, вы больны, – при этом он подобрался, выпрямил спину и весь стал какой-то строгий и официальный.

Лену так и подмывало огрызнуться и заявить «сам дурак».

– Если бы я была больна, может, я бы чувствовала это?

– А вы чувствуете.

Гость кивнул и, взяв из подставки для карандашей несколько больших скрепок, откинулся на спинку стула.

– И что? Будете меня лечить? Интересно как?

– Для начала нужно поставить диагноз, – вдумчиво сообщил гость, разгибая скрепки. –

На что жалуетесь?

– На идиотов!

– Хм, – покачал головой трубочист, продолжая возиться со скрепками, – вам плохо?

– Да нет, все нормально.

– Когда девушка *так* говорит, что «все нормально», это значит, что все хуже некуда. Не обманывайте. Это нехорошо, – гость посмотрел строго, но в то же время доверительно.

Затем он опустил глаза, продолжая что-то скручивать из скрепок. Лене вдруг стало легче, на нее никто не смотрел, а просто был рядом и ждал ее слов. Не имело значения, услышит он на самом деле или нет. Главное, что она выскажется, и он вряд ли потом будет смотреть на нее за завтраком, выбирая ненужные слова.

Лена ничего не стала рассказывать о том, что случилось, и кто тому виной. Зато рассказала, как горько и грустно сейчас. За что ей эта боль и тоска? Ведь она так хотела, чтобы все было хорошо! Почему же ей сейчас так плохо? Разве она что-то сделала не так? Почему вообще все кончилось, ведь сначала было так замечательно? Почему это случилось именно с ней? За что ей это одиночество? Это чувство, которое не отпускает нигде, даже на улице среди людей, даже когда она с родителями и подругами.

Выговорившись, Лена вновь расплакалась, и теперь сидела, уткнув лицо в колени.

– Ну что ж, – проговорил незнакомец.

Девушка посмотрела на него и невольно улыбнулась. Трубочист нацепил на нос нелепые круглые очки, скрученные из скрепок, и выпрямился. В застегнутом под горло сюртуке, отчего шея казалась более тонкой и длинной, с вытянутой спиной, гость и впрямь стал похож на ученого доктора. И чем более серьезное лицо он делал, тем комичнее смотрелся.

– Что скажете, доктор? – не удержалась Лена.

– Я скажу, что вы действительно больны. И очень серьезно.

– Чем же?

– Вы больны одиночеством, сударыня.

Поддерживая игру, она даже не сразу уловила смысла слов, просто картинно взмахнула руками и сделала большие глаза:

– И чем же вы меня будете лечить? Выпишите рецепт!

«Доктор» покачал головой.

– Это очень тяжелая болезнь. Вы считаете, что вам нужен рецепт?

– Обязательно! Доктор всегда выписывает лекарство.

– Хорошо, – серьезно покивал гость, хотя за рамкой проволочных очков она разглядела шутовское веселье, – я составлю необходимую бумагу. Так...

Он посмотрел на стол, выискивая, что может пригодиться, снял верхний лист со стопки на краю, поморщился, оценив количество пыли, вытащил из-под него второй. Потом порывлся в подставку для карандашей. Выудил подающую надежды ручку и долго ее расписывал. Даже высунул кончик языка от усердия. Потом поправил очки и, преисполнившись важности, принялся что-то писать. Строгий, с прямой спиной и молодым лицом с проволочными очками, он выглядел так забавно, что Лена не удержалась и хихикнула.

– Ну вот, – наконец он поставил точку, и сложил лист пополам. – Это ваш рецепт.

– Прекрасно, – улыбнулась Лена. – Могу я взглянуть?

– Конечно, нет! Ведь это документ для специалистов! Вы здесь ничего не поймете.

– Ох, – продолжая игру, взмахнула ресницами Лена. – Что же делать? Отнести его к фармацевту?

Трубочист чуть склонил голову набок и улыбнулся:

– Видите ли, сударыня, в нашем маленьком городе не так-то много народу. Так что врачу порой приходится быть и аптекарем. Итак, что у нас тут?

Он развернул лист и погрузился в чтение, будто видел его впервые. Даже немного шевелил губами, словно проговаривая мудреные медицинские слова.

– Хм. Печально. Ну что ж...

– Дадите мне лекарство? – поторопила девушка.

– Лекарство? Да, конечно.

Он порылся по карманам, выудил зажигалку и раньше, чем она успела что-либо сделать, поджег рецепт.

– Ой!

– Так надо, – сообщил гость. – Так всегда и делают. Просто клиентам аптек не показывают.

Он подержал горящий лист перед собой, а потом понес его к камину. Пламя тут же умерило пыл, как будто опасалось опалить пальцы.

– А как же лекарство?

– Оно уже с вами, – отмахнулся гость, поглощенный созерцанием горящего листа.

Трубочист положил обгоревший рецепт в камин и не отрывал от него взгляда, пока тот не прогорел до конца, потом тщательно перемешал пепел. Он так старательно и серьезно играл, что эта игра перестала ее развлекать.

– Почему вы... – без тени игривости нарушила Лена установившееся молчание.

– У меня есть предложение, – мягко перебил гость и снял очки, лицо его тут же приобрело прежнее простоватое выражение. – Перейдем на «ты»?

Лена ответила не сразу. Немного подождала, глядя, как трубочист теревит в руках проволочные очки, как будто протирая стекла.

– Ладно, – кивнула она и продолжила, – так почему ты считаешь, что от одиночества можно вылечиться?

– Потому что одиночества нет.

Когда Лена проснулась, настроение у нее было великолепное. Окна выходили на запад, и утренний свет был мягок и приятен. Она даже выпалась, несмотря на ночные разговоры. Видимо, сказывалась свежесть здешнего воздуха и близость моря. Через открытое окно доносились птичье чириканье. Из кухни было слышно, как хозяйствует дядя. Неплохое утро, в самый раз, чтобы начать новую жизнь, которую она сама выбрала.

Лена потянулась всем телом, а потом решительно встала с кровати. Теперь она, а не кто-то другой будет определять ее жизнь. Настроение было столь хорошим, что даже перспектива умываться водой из водонагревателя не пугала. Словно проникшись оказанным доверием, газовая колонка, и впрямь обеспечила достойный напор горячей воды. Лена расчесала длинные волосы и осталась довольна своим внешним видом. Умывание завершило превращение в нового человека, не отягощенного болью в прошлом, словно и не было грустной вчерашней прогулки по городу. Натянув брюки и легкий свитер, Лена вышла на кухню. Дядя как раз сливал воду из кастрюльки.

– Проснулась? – не оглядываясь, спросил он.

– Да. Нам уже скоро выходить?

Дядя пожал плечами:

– Обычно выхожу минут через двадцать.

Лена взглянула на часы. Полвосьмого. Видимо, контора открывается в восемь. Могло быть и хуже.

– А почему вы меня не разбудили?

– Подумал, пускай девочка в первый день поспит. Будешь завтракать?

– Смотря чем, – улыбнулась Лена.

– Пельмени, – ответил дядя, заглянул под крышку и пробормотал. – Зачем я сливал воду?

Лена хихикнула:

– Не знаю. Нет, наверное. Не люблю плотно завтракать. А у вас есть что-нибудь еще?

Дядя опять пожал плечами, покосился на холодильник. Лена тут же вспомнила засохший сыр и отмахнулась:

– Не надо. Попью чаю. Я видела у вас в шкафу печенье.

Дядя положил на тарелку несколько пельменей и с сомнением проговорил:

– Кажется, да... только оно там лежит больше месяца.

– Ну и что! – отмахнулась Лена.

– Как знаешь, – кивнул дядя и включил чайник, даже не проверяя, есть ли там вода.

Он сел за стол, посыпал пельмени перцем и принялся есть. Они не разговаривали, но теперь Лене это не трогало так, как вчера. Наоборот, холостяцкие привычки дяди забавляли. Как странно, а ведь вчера она и представить не могла, что проснется с таким настроением. Особенно когда трубочист заявил, что «одиночества нет». Тогда у нее все сжалось внутри и стало ужасно неприятно.

– Как это? – спросила она.

– Нет и все.

– Кому как, – Лена пожалала плечами и подумала, что каждый имеет право на свою точку зрения.

– Всем именно так, – вновь улыбнулся гость.

– Должно быть, мы говорим о разных вещах.

– Вряд ли. Конечно, одиночество у каждого свое, однако каждый использует именно это слово. Редкое единодушие.

– И каждый думает про других: «Да что вы знаете про одиночество?!»

– Да, – кивнул он. – А на самом деле его нет.

– Да что вы знаете про одиночество? – с грустной улыбкой спросила Лена.

– Я знаю главное – его нет. Одиночество – выдумка, наваждение. Это как дурной сон, который преследует нас наяву. Одиночество это поводок, на котором держат людей, чтобы они не разбежались.

Эти слова вызывали в ней странное двойственное чувство. С одной стороны, хотелось верить этому сильному, но мягкому голосу, а с другой за громкими патетическими сравнениями и метафорами ей чудилась пустота.

– С самого детства нас пугают одиночеством, чтобы мы спешили скорей присосаться к другим людям. А на самом-то деле человек никогда не бывает совсем один.

– Как это? – вновь спросила Лена. – Вот пока ты не пришел, я была одна.

Он заглянул в ее глаза и произнес:

– Даже когда в комнате никого нет, всегда есть ты сама.

– Чушь какая-то!

– Есть твои мысли, твои чувства. Ты всегда наполняешь мир своими размышлениями и эмоциями, Мир, который ты видишь, в значительной мере отражение тебя самой. А значит и в пустой комнате рядом с тобой всегда есть ты сама.

– Но это же совсем другое! – возмутилась девушка, сложные фразы показались ей каким-то казуистическим издевательством.

– Нисколько. Просто ты пока не понимаешь.

Они с дядей вышли из дома на встретившую их утренней прохладой и шелестом листьев улицу. Лена поглядела через сочную зелень клена на высокое голубое небо, подмигнула толстой чайке, деловито вышагивающей по газончику у корней дерева, и направилась следом.

Дядя шел неспешно и мягко ступая в полшага. Точно так же он ходил на работу и вчера, и позавчера. Он изредка кивал или приветствовал взмахом руки знакомых. Ступая за дядей, девушка разглядывала горожан: дворников, отмывающих тротуары, людей из соседних домов, и служащих биржи, которые торопились к огромным дверям меж ложных колонн. Но даже поспешность последних не нарушала общей атмосферы маленького старого города. Ей даже казалось, что биржевые брокеры одеты в сюртуки и цилиндры вместо современных костюмов, а в руках у них не дипломаты, а кожаные саквояжи. Даже старенькие «Жигули» вперемешку с «Фольксвагенами» на стоянке перед зданием не нарушали этого ощущения.

Вспомнился смешной вид трубочиста, который носил как раз такой сюртук с цилиндром. Сейчас ночной визит казался нереальным. Словно он привиделся, или она его выдумала. Слова гостя уже не казались такими назойливыми и жесткими, а скорее просто чудными. В сущности, было неважно, что именно он пытался объяснить.

Лена вспомнила, что он положил очки из скрепок на угол стола, а она утром так и не посмотрела, остались ли они там. Вечером надо обязательно проверить, вдруг и впрямь все привиделось.

По Крепостной они пошли в сторону площади Каменных ворот. Здесь людей было заметно больше. По всей улице открывались лавочки и магазинчики. Хозяева чистили тротуары перед своими витринами, протирали стекла. Кто-то раскладывал на лотках товар. Дядя здоровался с некоторыми из торговцев, они приветствовали его в ответ, стараясь кивнуть и Лене. Изредка по улице пробегали собаки, спеша по каким-то своим делам, и на них никто не обращал внимания. Мелкий кудлатый пес подошел к прилавку с книгами, поднял нос, покрутил им над лотком, а потом спокойно направился дальше. Как будто он поинтересовался, нет ли в наличии нужной книги.

Девушка вдруг пожалела, что идет на работу, вместо того, чтобы просто прогуляться, сходить на набережную, покормить чаек, пройти по тенистому Монастырскому бульвару и постоять на его кованых мостиках. Прокатиться на трамвае, в конце концов. Дядя, словно почувствовав ее настроение, остановился и оглянулся.

– Я здесь, все в порядке, – поспешно сказала Лена.

– Почти пришли, – сказал дядя и свернул налево в подворотню.

За низкой аркой обнаружился просторный обсаженный липами двор с большой клумбой. Дядя вошел в дверь под неброской табличкой из нержавеющей стали с надписью: «ООО «Агентство Шепелева»».

Лена не удивилась бы, обнаружив за дверью тесную заваленную бумагами контору с фанерной мебелью и обязательным стуком печатной машинки. Однако на этот раз ожидания ее обманули. Помещение «Агентства» оказалось вполне достойным новомодного офисного центра из стекла и бетона. Комнаты были действительно небольшими, но все остальное... Современная мебель, столы с жидкокристаллическими мониторами, прозрачные дверки шкафов с корешками толстых архивных папок, ковровые коврики под ногами, кресла на колесах. Как будто Лена никуда не уезжала.

Они прошли через небольшую приемную с мягкими диванчиками и столом секретаря, миловидной пожилой женщины, крашеной в блондинку. Увидев дядю, она подняла голову и с мелодичной неспешностью проговорила:

– Доброе утро, Андрей Алексеевич, – и кивнула Лене

– Здравствуй, – бросил на ходу дядя и прошел дальше.

– Здравствуйте, – сказала девушка и прошла следом.

Дальше была небольшая комната с несколькими столами. Сейчас занято было только два из них. За ближним к двери сидел мужчина лет тридцати в сером костюме, его волосы выглядели аккуратно, но Лене показалось, что это домашняя стрижка. А в дальнем правом углу, отгороженном стеллажом и шкафом с мерно гудящим сервером, разбирался в толстой

книге плохо выбритый молодой человек в свитере. Слева была распахнутая дверь в крохотную комнатку с двумя столами, за которыми что-то обсуждали две молодые женщины, и еще одна дверь на которой красовалась табличка «Андрей Алексеевич Шепелев». Дядя махнул рукой парню за шкафом и остановился перед мужчиной в костюме.

– Доброе утро, Андрей Алексеевич, – с подчеркнутой вежливостью кивнул мужчина и бросил взгляд на Лену, – Здравствуйте.

– Доброе, – согласился дядя.

Лена кивнула.

– Миша, познакомься, это Лена, моя племянница, – сообщил дядя. – Помнишь, я говорил тебе, что она, может быть, придет мне помогать. Вот она и приехала.

Дядя замолчал, глядя на Михаила. И тот, и Лена на всякий случай кивнули друг другу.

– Вот, – продолжил дядя. – Миша, покажи ей тут все. Помоги устроиться...

Андрей Алексеевич еще раз качнул головой и уже принялся уходить.

– А куда ее посадить? – спросил вдогонку Михаил.

– Не знаю, – пожал плечами дядя. – Придумай что-нибудь.

– Так у нас вроде нет ничего... – задумался тот. – Разве только за стол Николая... но ведь он...

– Ничего, – отмахнулся дядя. – Посади туда.

– Хорошо. А ее оформлять?

– Нет, не надо пока. Мы ведь не будем спешить да, Лена? Вдруг тебе не понравится у нас?

Лена пожалала плечами – дяде виднее, как себя вести в собственном офисе.

– А как же ей тогда платить?

– Как обычно, деньгами.

– А что мне делать, Андрей Алексеевич? – подала голос Лена.

– Освойся пока, – улыбнулся дядя, и даже дернул рукой, как будто хотел погладить ее по голове, но вовремя остановился. – Погляди что к чему... вот там, у Коли, найди, где-то должны быть новые инструкции по полуфабрикатам. Нам послезавтра надо будет проводить груз, хорошо?

– Хорошо, я посмотрю.

– Ну и славно. Если что, заходи.

Дядя развернулся, заглянул в маленькую комнату с двумя столами, поздоровался с девушками и закрылся в своем кабинете.

Лена перевела взгляд вновь на Михаила и обнаружила, что тот всюду разглядывает ее и улыбается.

– Михаил, – еще раз представился он. – Можно Миша.

– Лена.

– А как по отчеству?

– Просто Лена, – подняла руку девушка, она не любила, когда ее называли по имени-отчеству, ей казалось, что это ее старит.

– Значит вы – его племянница? – махнул Миша головой в сторону кабинета начальника.

Лена улыбнулась нелепому вопросу. Было очевидно, что собеседник хотел завязать разговор, но как-то очень уж банально у него получалось.

– Мне кажется, он сказал, что да, – пожалала она плечами. – Видимо, следует предположить, что так оно и есть.

– Ну конечно, – смутился Миша и встал из-за стола. – Давайте я покажу ваше место.

Сначала Михаил представил Лену парню за шкафом – системщику Васе, потом двум девушкам в соседней комнате – бухгалтерам Свете и Наташе. После чего подвел к столу в дальнем углу справа от двери в кабинет дяди, возле небольшого окошка во двор с очень широким подоконником.

Здесь уже вовсю хозяйничал Вася, меняя настройки компьютера для новой сотрудницы. Михаил все пытался поймать взгляд Лены и улыбнуться, однако получалось это у него не очень хорошо.

– Всем привет! – раздалось от двери.

Вошедший был высок, коротко стрижен, на нем были джинсы и пиджак с подвернутыми рукавами поверх белой футболки с неопределенным принтом. Смотрелось все это странно, хотя и в некотором роде стильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.